

МЫ ЕДЕМ, ЕДЕМ, ЕДЕМ...

Из пункта А в пункт Б — помните, в школьном учебнике? С какой скоростью? На какое расстояние? За какое время? И так всю жизнь: скорость, время, расстояние. Правда, потом вопросов становится больше: куда? с кем? зачем? во имя чего?

В тех же школьных учебниках были такие схемы-рисунки: в большой открытый рот человека въезжали грузовики с продуктами и цистерны с водой и молоком. Наглядная иллюстрация, сколько человек за жизнь съест хлеба и выпьет воды. Представьте себе такую же школьную схему, разъясняющую, сколько людей в мире сейчас едет в автомобилях и поездах, на велосипедах, самолетах, пароходах, метро, трамваях, на лошадях, верблюдах и ослах... А кто-то еще едет в детской коляске. А кто-то — в гробу на кладбище, и это почему-то называется "последний путь".

Самое первое мое путешествие — с мамой в роддом. Недавно я поинтересовался, как это было. Оказалось, просто. Мама мыла пол в нашей коммунальной квартире на улице Чижикова в Одессе. Домыла и пошла меня рожать. Шла больше часа пешком (я-то при этом ехал!). Пришла и родила. Из роддома я уже ехал на трамвае, с мамой и папой. Кажется, это я уже помню! Меня завернули в ватное одеялко, потому что другого не было. Июнь. Жарко. Душно...

...метро в Нью-Йорке. Вагон, битком набитый липкими от жары неграми и китайцами. Следующая остановка Бруклин Бридж. Счастье. Еще совсем недавно и думать не приходилось, что можно свободно ехать. Ехать в нью-йоркском метро...

...и опять в детство. Я лежу в телеге между корзинами с яблоками, на сене. Раннее утро. Черноморская степь. Поют птицы. Кричат суслики. Мы с дедом везем яблоки на базар в Раздельную. По тем счастливым временам пыльная избитая дорога от дедушкиной деревни до райцентра казалась намного длиннее, чем нынешние тысячекилометровые перелеты на "Боинге" из Москвы в Сан-Франциско...

...с артистами нашего театра мы трое суток едем из Сан-Франциско в Бостон, через Лас-Вегас, Денвер, Чикаго, Филадельфию, через всю Америку, едем в стеклянном вагоне, где кресла вращаются параллельно и перпендикулярно движению, и где за окном круглосуточно — захватывающий своим разнообразием и реальностью цветной широкоформатный документальный фильм-путешествие. Я вижу проплывающую перед глаза-

ми летнюю знойную Америку и мысленно уношусь в далекую зиму пятьдесят какого-то года теперь совсем уже прошлого века.

...из деревни на воскресенье приехал папин брат дядя Гриша. Он младше папы на три года, но тоже герой войны, разведчик, много раз простреленный и награжденный. Родителей почему-то нет, я дома один, и дядя Гриша, чтобы занять время, начинает что-то мастерить из подобранный на соседней свалке деревянного ящика, в каких привозили в магазин овощные консервы. Он обстругивает дощечки кухонным ножом, потом как-то скрепляет их между собой, обивает жестяными лентами, снятыми с того же ящика, и вдруг эти деревянные и железки превращаются в самые настоящие санки, которые я видел у одного мальчика из нашего двора и так мечтал на них покататься! Дядя Гриша одевает меня во все зимнее, так что я становлюсь похожим на шар, обмотанный маминым платком, привязывает к санкам длинную бельевую веревку, и мы отправляемся в бесконечный счастливый путь по занесенным редким для Одессы снегом брусчатым мостовым и трамвайным линиям. Маршрут почти кругосветный — мимо Привоза, вокзала, Куликовского поля, дальше 1-й и 2-й станции Фонтанской дороги и наконец на Пионерскую улицу, где живет моя тетьа с мужем и дочками, моими двоюродными сестрами...

...а раз зима, то это Старый Новый год в Переделкино у Окуджавы. Снега в том году навалило! Булат Шалвович ждал нас на даче, а я на своих раздолбанных "Жигулях" ждал у Белого дома тогдашнего премьера Егора Гайдара и вице-премьера Анатолия Чубайса. Десять часов, одиннадцать, пятнадцать минут двенадцатого, почти половина... Наконец они выбегают — молодые, азартные и, как я понимаю, чуть ли не впервые пользующиеся служебной мигалкой, чтобы успеть домчаться до Переделкино к двенадцати. И светофоры все зеленые, и дорога свободна, и я что есть мочи жму на свою жигулевскую железку. И без двух минут двенадцать мы разливаем шампанское и рассаживаемся за новогодним столом у Булата Шалвовича...

...а вот мы с дочкой Машей в полупустой электричке Рочестер — Нью-Йорк, и проводник, напоминающий конферансье из голливудского фильма "Кабаре", лучезарно улыбаясь, объявляет: "Next stop Buffalo". А за окном вылизанная Америка с показательными игрушечными фермами и фермерами, и лошадки, как большие игрушки...

...лошади в горах Алатау, где Чингиз Айтматов праздновал свой день рождения, и я оказался среди приглашенных. Мы скачем по самому краю

обрыва, и я, кусая губы от боли, из последних сил сжимаю ногами бока своей бесседлой лошадки, а она, наверно, понимает это как поощрение и несется, несется... Когда спрашивали, кто в седле, кто без, я легко и беззаботно согласился на "без седла".

...когда деду было уже за восемьдесят, он все равно работал в своем колхозе: то за почтой ездил в райцентр, то развозил по летним пастбищам огромные звонкие бидоны для молока. Телега всегда стояла во дворе возле дома, а за лошадью нужно было идти на конюшню, за полкилометра. Эти полкилометра можно было проскакать верхом, что я и делал в те редкие разы, когда дед был в хорошем настроении и разрешал. И вот тогда седлом становилась какая-то тряпка или старый ватник, прикрывающие спину костлявой лошадки. Трудно было заставить лошадку двигаться, но еще труднее было ее остановить. Хитрая эта лошаденка, разогнавшись и совсем не подчиняясь "лихому наезднику", норовила проскочить открытые дедовы ворота, где ее впрягли бы в приготовленную телегу, и доскакать до кукурузного поля на другом конце деревни, чтобы полакомиться сладкими восковыми початками...

...мы едем, едем, и я никак не могу остановить грузовик. Было так. Мне 15 лет. Уже год работаю сварщиком и слесарем на автобазе, больше не хочу и поступаю на режиссерске відділення Одеського культурно-освітнього училища. 1 сентября нас вместо занятий посылают на картошку, и вот там, пока колхозный шофер то ли уснул в посадке, то ли отлучился еще по какой-то надобности, я, увидев ключ в замке зажигания, приглашаю покататься своих "сорежиссеров", завожу этот ГАЗ-51, подаю газу, рывками перехожу с первой передачи на третью и несусь по краю поля, по ямам, по кучам земли и ботвы. Сразу же просыпается и посылает мне вслед матерные проклятья шофер. Восторженно кричат, визжат и хохочут подпрыгивающие в кузове студенты. А я вдруг чувствую, что не могу остановиться. Помню, где газ и как переключать передачи. А где тормоз? Вроде жму именно на тормоз. Оказывается, на газ... Мои ребята почували неладное, затихли, судорожно вцепились в борта. Я рулю, как могу, врезаюсь в кусты и тонкие деревца посадки, в кузове кто-то падает и кричит уже не радостно... Меня отправили в город и отчислили из училища. Кажется, это было первое мое отчисление.

...мы едем, едем, то есть летим над Колымой. Колыма оказалась рекой, мощной и бесконечной. Летим низко, чтобы увидеть оленя. Мы не просто летим. Мы охотимся с вертолета. У нас открыта дверь, может быть, в вертолете это называется люк, и к этому люку нужно подойти вплотную, упе-

реться руками в специальные ограничители, чтобы не упасть, и стрелять по обезумевшему несущемуся по тундре зверю...

...летит вертолет, летит самолет... во Фрунзе, тогдашнюю столицу Киргизии. Год 1989-й. Все меняется, рушится, создается. Рядом в самолете Марина Дружинина, давняя знакомая по ГИТИСу, давний начальник из нашего культурного главка. На высоте десять тысяч метров Марина спрашивает: "Не пора ли вам возглавить какой-нибудь солидный московский театр?". А я в ответ: "Давайте откроем новый. Вы — директор, я — главный режиссер. Пригласим самых лучших артистов... Любу Полищук, Альберта Филозова, Алексея Васильевича Петренко...". Самолет заходит на посадку, все более четкими становятся очертания городских кварталов, улиц, скверов и будущего театра "Школа современной пьесы"...

...одна из самых счастливых поездок. Десятнадцатый трамвай в Одессе. Кто не знает, не знает ничего. Вдоль моря тянется Фонтан. Название такое: Малый, Средний, Большой Фонтан. И станции: Первая, Вторая, Седьмая и так до Шестнадцатой. А потом нормальные трамвайные пути заканчиваются, и от Шестнадцатой на Дачу Ковалевского идет однокорейка — маленький уютный и счастливый трамвай моего детства. В трамвае этом все всех знают. Даже если видят в первый раз. А чего здесь не знать? Если вы едете с 16-й на Дачу Ковалевского, значит, вы едете на море. А если в руках у вас авоськи с огурчиками, помидорчиками, синенькими и торчащими хвостами или головами свежайшей скумбрии, значит, вы едете на море с Привоза. Значит, нам есть о чем поговорить... А когда девятнадцатый доезжает до конечной, вагоновожатый, он же кондуктор и контролер, торжественно проходит из одной кабинки трамвайчика в точно такую же с противоположной стороны, собирая по дороге с родных пассажиров трехкопеечную дань — плату за проезд.

...я еду, нет, меня везут на "скорой помощи" из Театра Станиславского в больницу где-то в Сокольниках с сердечным приступом, как потом расскажут врачи, с микроинфарктом. Случилась эта "поездка" после того, как я пришел на работу и на доске объявлений и приказов прочитал: "Режиссера Райхельгауза И.Л. освободить от занимаемой должности в связи с отсутствием московской прописки". С тех пор эта запись украшает мою трудовую книжку. С тех пор, если нужно проехать по Тверской мимо драматического Театра Станиславского, я отворачиваюсь и смотрю на другую сторону...

...на другую сторону Черного моря, чтобы увидеть Турцию, я пытаюсь переплыть на резиновой лодке, которую мы с папой сделали из огромной

камеры от заднего колеса трактора. На дно я уложил дощечки для прочности и обломанное весло, подобранное на берегу у рыбацких куреней. Еще взял с собой еду, воду и непромокаемый старый плащ на случай ветра и шторма, хотя в плавание я отправлялся в плавках, поскольку погода была теплой, а море тихим. Путешествие начиналось прямо у нашей "дачи" в Черноморке — крохотной комнатки из ракушечника и такой же крохотной фанерной верандочки. Прежде чем выйти в открытое море, нужно проплыть мимо кораблей, стоящих на рейде в порту Ильичевск. Вот я миновал на своем судне какой-то сухогруз, прошел по жирным нефтяным пятнам мимо танкера, с какого-то иностранного корабля мне приветливо машут заграничные моряки. А вот и пограничный катер, и оттуда уже совсем неприветливо кричат славные советские пограничники, и как-то сразу я оказываюсь задержанным, и у меня требуют паспорт. А какой у меня паспорт, если, во-первых, я в плавках, а во-вторых, мне двенадцать лет?..

...я плыву на красивой трехпалубной яхте нашего сербского друга Миадрага Филипповича по Адриатическому морю, из Дубровника на остров Млет, внутри которого огромное озеро, внутри которого остров, внутри которого другое озеро, а потом из этого рая — в другой: город-остров Корчула. Потом Хвар, Брач, Бухта Боли. А чуть наискосок — Италия, да и Франция недалеко. И на каждом острове какой-нибудь античный городок с узенькими улицами и башнями, или крепость сохранилась со времен Османской империи. И в каждом городке ресторанчики, и в любом из них омары, лобстеры, кальмары, тунец, креветки, школки-мидии, морские ежи. Или так: черный ризотто с осьминогом и морепродуктами Адриатики, заправленный чернилами черной каракатицы...

...во Франции, в Марселе, я проводил мастер-класс в летней актерской школе, и каждое утро в 9.45 за мной присылали машину. В один из дней я, как обычно, ждал у входа, но время вышло, а машины не было. Решил было вернуться в номер, но портье сказал, что звонили из театра и просили передать, что сейчас приедут. Вернувшись на улицу, я вначале услышал, а потом увидел мощнейший мотоцикл, лихо, с разворотом, затормозивший у дверей гостиницы. Управляла этим чудом техники моя студентка, не самая сильная актриса, которой я все время делал замечания на занятиях: мало эмоций, чувств, нет нерва, скучно. Она протянула шлем, помогла его застегнуть и молча указала на место позади себя. Я сел, и мы полетели. Полетели в самом прямом значении этого слова, выделявая фигуры высшего пилотажа на скоростном шоссе, обгоняя и цепляя моим большим телом "ситроены", "пежо", "фольксвагены" и прочие "форды". Мне

казалось, что в очередную щель между рядами ползущего в утренней пробке транспорта может протиснуться разве что подросток-велосипедист, но наш BMW чудом проскальзывал и, не тормозя, перестраиваясь из ряда в ряд, мчался со сверхзвуковой скоростью. Я мысленно простился с родственниками и друзьями, закрыл глаза и сжался, выдохнув весь накопившийся в организме воздух. Так оставалась надежда никого собой не зацепить. Когда минуты через три, которые, как пишут в романах, показались вечностью, мы остановились у театра, моя байкерша сняла шлем и спросила: "Вам не скучно было ехать со мной? Хватило эмоций?"...

...мы едем, едем, едем... По Садовому кольцу на троллейбусе "Б". Незадолго до моего первого приезда в Москву в Одесском русском театре вышла премьера: "104 страницы про любовь". Спектакль меня потряс, поразило, вдохновил, я смотрел его много раз и некоторые реплики повторял, как стихи: "Ночью "букашка" по кольцу таксистов собирает...". Я не понимал, что это значит, пока мой старший и очень образованный товарищ Руслан Ковалевский не объяснил, что "букашка" — это троллейбус, а кольцо — Садовое. И вот я выхожу на площадь Киевского вокзала с чемоданом, в котором кроме аттестата и книжек по режиссуре заботливо завернутые мамой в вафельное полотенце огурчики, помидорчики, редиска, брынзочка и свеженькая, с Привоза, домашняя копченая колбаска. Мой чемодан пахнет Одессой, и я в самом начале дороги в Москву. Иду пешком через мост, за которым маячит сталинская высотка — МИД, и вдруг вижу троллейбус "Б", ту самую "букашку". Беру билет на себя и одно место багажа и до вечера нарезаю круги по Садовому, по Москве, с трепетом и восторгом вслушиваясь в новые для себя названия: Смоленская-Сенная, Zubовский бульвар, Павелецкая, Таганская, Земляной вал, Лермонтовская. Конечно же, напеваю про себя Окуджаву: "...Я в синий троллейбус сажусь на ходу...". Я еду, еду, еду... Еду поступать в ГИТИС.

...я еду на черной "Чайке" по Кутузовскому проспекту. Это было недавно, когда у меня случился юбилей. В театре в тот день играли премьеру — пьесу Людмилы Улицкой "Русское варенье", написанную вослед Чехову и его драматическим героям. Так как я поставил целых три "Чайки" — непосредственно Антона Павловича, "Чайку" нашего современника Бориса Акунина и "Чайку"-оперетту, то мимо еще одного произведения с подзаголовком AFTERCNEKHOV пройти никак не мог. Спектакль заканчивается, на сцену выходят все наши народные и заслуженные артисты, к ним присоединяются начальники по культуре, поздравляют и вручают цветы и подарки. В переполненном зале много гостей, среди них Анатолий Чу-

байс, Михаил Абызов, Борис Вайнзихер. С ними меня связывают совместные приключения, о которых еще пойдет речь в этой книге. В самый разгар поздравлений среди зрителей появляется автоинспектор с жезлом в руке и восклицает: "Кто здесь поставил "Чайку"?". Кто-то из артистов показывает на меня пальцем и произносит: "Это он". В этот момент распахиваются двери балкона в зрительном зале, и я вижу на Трубной площади сияющую "Чайку", стоящую почти поперек движения, окруженную фотографами и просто любопытствующими прохожими. Начинаю понимать, что это и есть главный подарок.

"Чайка" оказалась с биографией. В 60-е годы она принадлежала тогдашнему председателю Совета Министров РСФСР Михаилу Сергеевичу Соломенцеву. Кузов бронированный, а внутри невероятные по тому времени прибабасы, соответствующие статусу бывшего владельца: ламповый приемник, стеклоподъемники, автоматическая коробка передач. Не было боковых зеркал, и на мой вопрос "Почему?" мне ответили: "Зачем? Эта машина всегда двигалась по ровной пустой дороге, и ее никто не обгонял".

Июньской ночью я ехал на черной "Чайке" из театра домой, на дачу. Ехал медленно, и водители справа и слева с интересом и поощрением разглядывали эту карету прошлого. "Чайка" торжественно плыла по Новому Арбату, Кутузовскому проспекту и Можайскому шоссе. Мое благодное состояние вдруг прервала картина очередной московской аварии: кровь на асфальте, "скорая", милиция, зеваки. Я подумал о непредсказуемости жизни, о том, что движение из пункта А в пункт Б проходит не только по прямым проспектам и регулируемым перекресткам, но и по опасному бездорожью, где лед, снег, песок, болота, камни и водные преграды, где жизнь видна не через тонированные автомобильные стекла и иллюминаторы личных самолетов, а в непосредственной и пугающей близости, вплотную и без прикрас, и эту прекрасную, непредсказуемую и удивительную жизнь я выбираю. За ней уйду с друзьями в ежегодные экспедиции, о которых попробую рассказать. Я выбираю бездорожье.

Москва

